

МАКСИМ ХАМОЯН

К ПРОБЛЕМЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЫ

Языкознание не располагает доказательно аргументированной лингвистической установкой на форму исторического сложения структурной организации языка и, в первую очередь, на характер первоначальной формы формирования языковой материи, а также и на аспект и метод исследования языкового материала, объективно способные вести к воссозданию данной формы. Имеющиеся на этот счет мысли и отдельные предположения лингвистов, философов и антропологов (К. Маркса и Ф. Энгельса, Л. Г. Моргана, Н. Я. Марра, И. И. Мещанинова, А. А. Потебни, В. И. Абаева, В. А. Богородицкого, А. Г. Спиркина, Ю. Ю. Дешериева и др.), базирующиеся главным образом на умозрениях¹, а также эксперименты психологов (К. Кофка, Н. Жинкина и др.) над детской речью², скорее обосновывают и акцентируют существование проблемы формирования языковой структуры, чем представляют саму ее разработку. При этом рассуждения, высказанные учеными, ограничиваются главным образом в рамках философских и социолингвистических изысканий и не касаются сферы задач освещения языковой структуры и, в первую очередь, начального этапа ее формирования не посредственно через исследования самой этой структуры. Ниже делается попытка рассмотрения этих задач в плане соотношений элементов языковой структуры и, в частности, в аспекте их преемственно-эволюционных отношений. Исследование языковой структуры в этом аспекте является единственно объективным и очень эффективным методом определения характера и места проявлений языковой материи, а также воссоздания первичного языкового (речевого) субстрата и освещения характера и места его в целостной системе языковой материи.

В результате исследования проявлений языковой материи и их соотношений выясняется, что в основе становления и существования системы и структуры языка, в конечном счете лежит общий закон симметрии, соразмерности языковой материи отражаемой ею

действительности, которой обусловлен потребность в ее дифференциации и адекватном языковом представлении³. Этим законом обусловлены: проявление языковой материи, создание механизма самого проявления и микромеханизмов образования типов проявлений, анализ соотношений которых позволяет раскрыть объективную картину становления языковой структуры, которую в общих чертах можно представить в следующей схеме:

Представленная схема изображает модель становления структурной организации языка, наполненную семью типами проявления языковой материи, которые располагаются по единому принципу — на основе преемственно-эволюционных отношений между ними и рекламируют соответствующие разные стадии ее эволюции. В ней начиная снизу вверх обнаруживаются пять стадий становления структуры языка, отражающих динамику ее формирования. Первая стадия охватывает период возникновения и функционирования синкретического языка у первобытного, стадного человека в виде первичных речевых субстанций — звукокомплексов; вторая стадия—пе-

риод зарождения и обособления слова, предложения и текста; третий—период возникновения словосочетания; четвертый—период появления фразеологизма и пятый—период возникновения паремиологизма. Стрелы между типами проявления языковой материи, таким образом, указывают на общую направленность эволюции языковой материи, в том числе и самих преемственно — эволюционных отношений.

Сущность преемственно — эволюционных отношений заключается в том, что в системе типов проявления языковой материи каждое предыдущее проявление полностью или в основном материальном составе выступает означающим последующего проявления и реализуется в нем в виде особого метасемиотического образования, выражение и содержание которого служат вместе, совокупно выражением нового метасодержания. Тем самым каждый последующий тип проявления языковой материи в плане материальном, оказывается проявлением предыдущего, образуясь по модели “предыдущее проявление (план выражения) + новое метасодержание (план содержания)”. Это общее правило, которое лежит в основе всей системы соотношений проявлений и определяет собой характер их образования и их стадийное возникновение и последовательность в системе, имеет исключительно важное значение для разъяснения стоящих перед наукой ряда вопросов, касающихся существования и природы первичных речевых субстанций, их воссоздания, определения их позиции по отношению к позициям других типов проявления языковой материи в общей системе языка.

Оно позволяет объективно интерпретировать модель становления языковой структуры и позицию каждого типа проявления языковой материи в ней. При этом в качестве практического приема осуществления данной интерпретации требуется в каждом конкретном случае обратиться к позиции предшествующего типа проявления языковой материи с обязательным учетом соотношений всех типов проявлений в плане их означающего и означаемого. Исследование языковой структуры в этом плане позволяет установить следующее:

А. Паремиологизмы возникли в языке позже всех типов проявления языковой материи. Они находятся в преемственно—эволюционных отношениях с предложением: в плане материальном являются проявлением предложения, а в плане идеального содержания выступают носителем умозаключения⁴, основанного на суждениях, выражаемых предложениями. Таким образом, паремиологизмы и предложения как разные типы проявления языковой материи действительно представляют разные стадии эволюции этой материи.

Б. Место фразеологизма со структурой словосочитания по отношению к месту паремиологизма в системе определяется не только позицией предшествующего ему словосочетания, проявлением которого он является в плане материальном, но и тем, что он носитель понятия, по отношению к которому умозаклучение, выражаемое паремиологизмом, является высшей формой мышления. Иначе говоря фразеологизм возник до появления паремиологизма. Этот же вывод подтверждается и позицией предложения по отношению к фразеологизму и паремиологизму. В случае паремиологизма предложение выступает означающим, соотносящимся с суждением. В случае же фразеологизма — означающим, соотносящимся с понятием. Этот же факт убеждает в том, что предложение существовало до появления фразеологизма и паремиологизма. И фразеологизмы со структурой предложения не могли появляться в языке раньше предложения, так как они также в плане материальном являются проявлением предложения, в логико — семантическом плане соотносящегося с понятием — сказуемым предложения, а в плане идеального содержания служат носителями характеризующего, квалифицирующего понятия, являющегося определенным развитием чисто номинативного понятия, выражаемого предложением — сказуемым⁵. Это же обстоятельство позволяет заключить, что фразеологизмы со структурой предложения, выражающие характеризующие, квалифицирующие понятия⁶ и паремиологизмы — носители умозаклучений, отражающие разные стадии развития человеческого сознания, действительно представляют разные стадии эволюции языковой материи.

Фразеологизмы со структурой словосочетания, в свою очередь, также не могли существовать раньше словосочетания, поскольку в плане материальном являются проявлением словосочетания, а в плане идеального содержания являются носителями характеризующего, квалифицирующего понятия о предмете, отличающегося от понятия о типе проявления предмета, выражаемого словосочитанием.

В. Место самого словосочетания в системе определяется, с одной стороны, позицией предложения, с которым оно находится в преемственно — эволюционных отношениях, с другой стороны, позицией фразеологизма со структурой словосочетания, означающим которого оно является.

В плане материальном словосочетание представляется как проявление сцепления синтаксических проявлений слов. Однако это не означает, что словосочетание развилось из слова и является его семантическим распространением, как об этом до сих пор думают все лингвисты.

Слово возникает как обозначение предмета, а словосочетание возникает как обозначение типа проявления предмета. Предложение же образуется как констатация типа проявления предмета. Стало быть, поскольку идея о типе проявления предмета в историческом плане впервые представляется предложением, а не словом, то правомерно думать, что словосочетание развилось из предложения, которое также представляет собой сцепление синтаксических проявлений слов.

Иными словами, обозначение типа проявления предмета в виде словосочетания развилось и обособилось из констатации этого типа в форме предложения. Исторически слово могло участвовать в образовании словосочетания только через предложения. Хотя в статике дело обстоит несколько иначе: слова в своих синтаксических проявлениях образуют словосочетание как носители уже обособленного типового значения — понятия о типе проявления предмета безотносительно к предложению.

Г. Согласно приведенной выше схеме — слово, предложение и текст возникли раньше всех остальных проявлений языковой материи, связанных с ними преемственно — эволюционными отношениями. В ней они стоят в одном горизонтальном ряду, что означает их одновременное возникновение. Их место в этом ряду в общей системе также определяется позициями всех последующих им типов проявления языковой материи — словосочетания, фразеологизма и паремиологизма. Что касается определения их места позицией предшествовавших им речевых субстанций, то оно является сложной задачей и, в первую очередь, в зависимости от того, что эти речевые субстанции нигде не засвидетельствованы. Единственной реальной возможностью их объективного воссоздания остается, как и в других перечисленных выше случаях, руководство общей лингвистической установкой складывания языковой структуры на основе преемственно-эволюционных отношений между проявлениями языковой материи.

Однако, прежде чем говорить об этом, отметим, что в специальной литературе в отношении несохранившихся в языке речевых субстанций применяются разные термины, типа “звуковые комплексы” или “звукокомплексы”, “символы” и т. д., из которых более или менее уместным представляется “звукокомплексы”, которым и пользуемся в работе.

Слово, предложение и текст подобно всем остальным типам проявления языковой материи возникли на материальной основе предшествовавших им соответствующих языковых субстанций. Рассмотрение их места в системе на общей фоне логики складывания

языковой структуры позволяет составить объективное представление как об их генетической связи с предшествовавшим субстратом, так и о составе и природе его самого.

Как в случаях паремиологизма, фразеологизма и словосочетания, так и случаях слова, слова—предложения и слова—предложения—текста можно по характеру их означающего определить характер и состав предшествовавшего субстрата, с которым они находились в преемственно—эволюционных отношениях. В плане материальном, т. е. в своих означающих эти единицы являются звуком—фонемой или звуковыми комплексами. Это означает, что предшествовавший им речевой субстрат, выступавший их означающим в виде метасемического образования, существовал в виде звуков — фонем и звуковых комплексов. Это подтверждает высказанное учеными предположение о звукокомплексном характере первичных речевых субстанций. С другой стороны, представляется возможность осознать, почему слово, слово — предложение и слово—предложение—текст являются единственными типами языковой материи, имеющими означающее в виде звука или звукокомплекса и почему остальные типы в отличие от них имеют раздельнооформленные означающие, являющиеся проявлением предшествовавших им соответствующих раздельнооформленных типов проявления языковой материи.

Д. Установление звукового, звукокомплексного характера языковых субстанций, с которыми слово, слово — предложение и слово — предложение — текст находились в преемственно — эволюционных отношениях, представляет возможность осознания ряда особенностей их природы и атмосферы их возникновения. Отметим главные из них.

1. Первобытный, стадной человек пользовался звуковыми и звуковыми, комплексными субстанциями, которые составляли его стадную речь. Судя по тому, что из них одновременно развились разные языковые факты, они являлись стадными, спонтанными, нерасчлененными синкретическими звуковыми сплавами и могли возникать у человека со стадным сознанием в качестве сообщения в процессе общения; выполняя в своем роде функцию слова—предложения—текста. Они являлись первичными социализованными звуковыми проявлениями материального мира, знаменовавшими новое, особое проявление его в виде материи языковой, языка человека. В отличие от них, сами слово, предложение и текст, которые в дальнейшем развились и обособились из них, явились проявлениями уже самой языковой материи, самих звукокомплексов.

2. Синкретический язык стадного человека не в состоянии был долго существовать из—за неспособности дифференцированного

представления окружающей действительности. Познание внешней среды все больше сталкивалось с тем, что действительность в реальности существует в своих отдельных, самостоятельных проявлениях, требующих от индивида соответствующих адекватных языковых рекламирований. Потребность в адекватном представлении проявлений действительности и привела к распаду синкретического языка — звуковых комплексов путем дифференциации и проявления их самих и развития из них трех типов их проявлений — слова, предложения и текст. Она обусловила проявление языковой материи, сам механизм проявления и микромеханизмы образования проявлений⁸, обеспечивая тем самым полноценность языка как средства общения, способного адекватно отражать действительность, а в зависимости от этого и создать свою адекватную систему в ее строго организованной структуре и определить позицию каждого типа проявления языковой материи, в том числе и слова, предложения и текста в ней.

3. Возникновение звуковых комплексов из потребности в сообщении и удовлетворение ими этой потребности означает, что они являлись звукокомплексами — сообщениями. А из этого следует, что, во первых, они обладали, пусть в потенции, тремя важными синкретическими качествами — соотнесенностью с предметом мысли, коммуникативной значимостью и текстуальной мотивировкой, выступая в своем роде речевыми образованиями наподобие слова—предложения—текста. Во—вторых, слово—предложение и слово—предложение—текст, обладающие означаемым в виде звука или звукового комплекса, возникли путем своеобразного отпочкования, развития и обособления из одного общего источника — звуковых, звукокомплексных сообщений, что могло иметь место только в результате действия общего закона симметрии и путем их расщепления и осмысления и выделения перечисленных выше их трех качеств и на их основе. В—третьих, исключается возможность существования иной исторической формы языковой материи, с которой слово, слово—предложение и текст могли находиться в преемственно—эволюционных отношениях.

4. Процесс дифференциации звуковых комплексов—сообщений сперва имел место в направлении осознания и выделения основной вещественной части выражаемого ими содержания, которая заключалась в соотнесенности звучания с предметом мысли, развитие которой привело к развитию и обособлению слова как обозначения или выражения конкретного типа проявления действительности т. е. как единицы номинации и саму номинацию как особого лингвистического феномена.

Выделение и обособление слова сопровождалось осознанием и выделением остальной части содержания звуковых комплексов—сообщений, которая заключалась в представлении их коммуникативного качества—выражении отношения говорящего к предмету мысли в виде утвердительной или отрицательной констатации этого предмета в его определенном проявлении, которая обусловила становление слова — предложения и определила дальнейшую почву для утвердительной или отрицательной констатации предмета в его определенном проявлении уже путем сочетания обозначения предмета (т. е. слова) с тем, что обозначает основу данного типа проявления этого предмета, т. е. в виде сцепления “подлежащее + сказуемое” — особой коммуникативной единицы, определяющей собой обособление коммуникативности как особого лингвистического феномена.

Выделение слова и слова—предложения, в свою очередь, сопровождалось осознанием ситуационной мотивировкой—сужета, развитие которой привело к обособлению текста и его противопоставлению слову и предложению.

5. Процесс развития и обособления слова из звукокомплексов—сообщений происходил в направлении его выделения сперва в синтаксическом содержании—проявлении, из которого дальше развивается и обособляется его морфологическое содержание—проявление, которое, в свою очередь, ведет к развитию и обособлению его номинативного содержания—проявления, к осознанию слова как такового в целом и дальнейшей дифференциации его в плане материальном на звуки—фонемы. Этот длительный процесс был связан с потребностью в развитии и обособлении слова и являлся процессом его самоопределения, направленного на приобретение им статуса отдельного, самостоятельного типа проявления языковой материи. Вслед за приобретением этого статуса, когда образовались новые слова по аналогии существующих, этому процессу был противопоставлен новый процесс самоопределения слова, направленного на его использование в речи. Этот новый процесс, который продолжает функционировать в языке, оказался обратной формой старого бывшего процесса: Самоопределение слова происходит не по схеме “синтаксическое проявление → морфологическое проявление → номинативное проявление”, а по схеме “номинативное проявление → морфологическое проявление → синтаксическое проявление”.

Процесс развития и обособления предложения, в свою очередь, заключался сперва в развитии и обособлении его синтаксической значимости, затем значимости морфологической и вслед за ней его коммуникативной значимости. Ныне этому процессу противо-

поставлен процесс самоопределения предложения, направленный на его использование в речи, его контекстуальную приспособленность.

Обособление и дальнейшая дифференциация предложения на составляющие его синтаксические элементы, а затем познание морфологических особенностей самих этих элементов привели к его полному отграничению от текста и тем самым к обособлению самого текста. Этим завершилась вторая стадия формирования структурной организации языка, которой последовали дальше интерпретированные выше третья, четвертая и пятая стадии, представленные схемой.

Краткая характеристика языковой структуры и составляющих ее элементов, представленная в ограниченных рамках настоящей статьи, позволяет осмыслить и объективный принцип их дифференциации и представления в качестве предметов исследования соответствующих разделов науки о языке—лингвистических дисциплин:

Все паремиологизмы в своем паремиологическом—виртуальном проявлении служат предметом изучения паремиологии;

Фразеологизмы в своем номинативно—характеризующем—виртуальном проявлении служат предметом изучения фразеологии;

Слова в своем номинативно—виртуальном проявлении служат предметом изучения лексикологии;

Все слова, фразеологизмы, паремиологизмы, словосочетания и предложения в своих морфологических проявлениях составляют предмет изучения морфологии языка;

Синтаксические словосочетания в синтаксических номинативно—виртуальных и синтаксических проявлениях, предложения в констатационных и синтаксических проявлениях и слова, фразеологизмы и паремиологизмы в синтаксических проявлениях образуют предмет изучения синтаксиса;

Предложения и паремиологизмы в своих контекстуальных проявлениях служат предметом изучения контекстологии;

Текст как особое проявление языковой материи является предметом изучения текстологии.

MAXIM KHAMOYAN

ON THE PROBLEM OF MODELLING THE PROCESS OF THE LINGUISTIC STRUCTURE

The modelling of the linguistic structure takes Place through the determined adoptire — evolutionary relations between the forms of linguistic data. In this process the character and position of the forms of linguistic data as well as the primary substratum of the system are determined.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. о них: Ю. Д. Дешериев, Социальная лингвистика, М., 1977, с. 10–24, 35–56, 127–134.
2. Там же.
3. М. У. Хамоян, Проблема проявления в лингвистике (на материале курдского языка). – Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. XX, Ереван, 2001, с. 270–289.
4. Там же.
5. М. У. Хамоян, Проблема дефиниции в лингвистике (на материале курдского языка). – Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. XVII, Ереван, 1998, с. 209–229.
6. Там же.
7. Там же.
8. Ю. Д. Дешериев, Социальная лингвистика, М., 1977, с. 10–24, 35–56, 127–134.